

ИСТОРИОГРАФИЯ

КОНЦЕПЦИЯ «РЕВОЛЮЦИИ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА» В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Ю. К. Некрасов

Великая крестьянская война XVI в., которая, по словам К. Маркса, была «наиболее радикальным событием немецкой истории»¹, сегодня переживает в историографии, образно выражаясь, свою «вторую молодость». Эти слова могут быть отнесены как к марксистской, так и к буржуазной историографии, причем на последнюю сильное влияние оказали труды историков-марксистов, энергично разрабатывающих с конца 50-х годов теорию раннебуржуазной революции XVI в. в германских землях². При этом буржуазные историки как бы разделились на два

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 423.

² Так по существу трактовал события начала XVI в. в Германии Ф. Энгельс в увидевшей свет в 1850 г. работе «Крестьянская война в Германии». Убеждение ее автора в необходимости рассматривать Реформацию и Крестьянскую войну как раннебуржуазную революцию росло по мере подготовки новой книги по данной теме и изучения источников и научной литературы. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 356, 363, 364, 413—414; Т. 18. С. 572—573; Т. 19. С. 191; Т. 21. С. 417; Т. 22. С. 307. Однако советской марксистской медиевистике потребовалось время, чтобы убедиться в правоте высказываний Ф. Энгельса о Крестьянской войне как раннебуржуазной революции. Важную роль на этом пути сыграла дискуссия второй половины 50-х годов на страницах журнала «Вопросы истории» о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии, большинство участников которой вслед за Энгельсом трактовали ее как раннебуржуазную революцию. Об этой дискуссии см.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики, 1917—1966. Л., 1966. С. 323—326. Дискуссия была продолжена историками-марксистами ГДР на конференции в Вернигероде в январе 1960 г. См.: Die frühbürgerliche Revolution in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. B., 1961; см. также: Каплюк Э. В. Марксистская историография ГДР о раннебуржуазной революции в Германии: (По материалам дискуссии в Вернигероде) // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. ст. Томск, 1964. Вып. 2. С. 73—93. Спустя несколько лет после дискуссии в Вернигероде тезис о раннебуржуазной революции стал общепринятым в историографии ГДР. См.: Deutsche Geschichte. B., 1967. Bd. 1: Von den Anfängen bis 1789; Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. B., 1974.

направления: первое в основном следует традициям академической буржуазной исторической науки и продолжает фактически придерживаться тактики непризнания достижений историков-марксистов; представители второго заняты поисками «позитивного ответа» на марксистскую теорию раннебуржуазной революции с целью «опровержения» марксистских представлений о закономерностях исторического процесса и роли в нем классовой борьбы.

Из сказанного вполне очевидна научная актуальность изучения современной западной историографии Крестьянской войны. При этом автор данной статьи намерен сосредоточить внимание на анализе таких вопросов, как причины восстания 1525 г., связь Реформации с революционным движением народных масс, программные требования участников движения и значение в нем радикального направления. Ограниченные рамки статьи не позволяют остановиться на вопросе о преемственности историографической практики представителей второго направления с их предшественниками.

Необходимо отметить, что в последнее время традиционная трактовка Крестьянской войны все больше переставала удовлетворять не только специалистов, но и представителей более широких кругов историков на Западе, что дало импульс новым объяснениям той эпохи. Причем эти поиски ведутся в условиях, как было отмечено выше, всевозрастающего влияния марксистской историографии Крестьянской войны, в частности трудов М. М. Смирина, и особенно марксистского понимания ее сущности как раннебуржуазной революции. Представители западной историографии пытаются найти «позитивный ответ» историкам-марксистам, представляющим собой существенный компонент идеологической борьбы на современном этапе. При этом на вооружение принята новая концепция — «революция простого человека» (*des gemeinen Mannes*).

* * *

Первым основные положения новой концепции сформулировал Х. Бусцелло в книге, вышедшей в 1969 г.³ Трактую события Крестьянской войны как движение «простых людей» (т. е. крестьян и ремесленников), Бусцелло выступил с критикой тех западных ученых и историков-марксистов, которые видят в этом движении борьбу за централизацию и реформу империи. По его мнению, «простые люди» не обладали уровнем общественного сознания, который позволял бы им вести борьбу за единое немецкое государство. Он рассматривает события 1525 г. как политическую революцию крестьянского сословия, ее единственную движущую силу видит в «деревенской знати», которая стреми-

³ Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Bauernschaft. [West] Berlin, 1969.

лась занять в политической жизни место, соответствующее ее экономическому положению, и разделяет убеждение своих предшественников в том, что Крестьянская война не возникла под непосредственным влиянием Реформации⁴. Таким образом, в концепции Бусцелло политический фактор приобретает решающее значение.

Это, пишет Х. Бусцелло, нашло выражение в требованиях установления местного самоуправления и упразднения дворянских и клерикальных привилегий, создания регионального союза бюргеров и крестьян, установления «прямого имперского подчинения» и ограничения власти территориальных князей сословным представительством. Все эти требования, пишет он, уже неоднократно выдвигались в прошлые столетия. Отсюда следует вывод, что по своим политическим целям и задачам Крестьянская война должна быть отнесена лишь к разряду позднесредневековых конституционных движений⁵.

В соответствии с концепцией «революции простого человека» Х. Бусцелло уделил много внимания вопросу о роли городов в событиях Крестьянской войны, в ходе которой, по его мнению, отчетливо проявилась тенденция, выражавшаяся в переплетении антиклерикальных и антидворянских настроений в городах со стремлением к укреплению местной автономии⁶. При этом княжеские города ставили перед собой задачу достижения статуса имперских городов, формулируя порой это требование в радикальной форме. Социально-политические планы немецкого бюргерства сводились, как указывает Бусцелло, к тому, чтобы полностью устранить дворянство и духовенство из жизни городов или включить оба эти сословия в «городской порядок», но при условии утраты ими податных и судебных привилегий⁷. Акцентируя внимание читателя на том, что движение в Верхней Швабии приняло всеобщий характер, Бусцелло подчеркивает активное участие в нем бюргерства, которое оказало влияние на программу 12 статей. Бусцелло считает, что, по мнению одного из авторов программы, подмастерья-скорняка Себастьяна Лотцера, союз крестьян и городов призван был служить целям защиты интересов «простых людей» от притязаний властей. Этот союз должен был приобрести такую силу, чтобы впредь «простой человек» никогда не мог стать жертвой княжеского произвола и угнетения. Осуществление этого плана на практике означало бы утрату власти ее прежними органами и сосредоточение власти в руках крестьянско-бюргерского союза⁸.

⁴ Ibid., S. 8—9, 12—14, 80 f.; *Idem.* Die Staatsvorstellung des «gemeinen Mannes» im deutschen Bauernkrieg // *Revolte und Revolution in Europa: Referate und Protokolle des Internationalen Symposium zur Erinnerung an den Bauernkrieg* / Hrsg. von P. Blickle. München, 1975 (Historische Zeitschrift. 1975. Beih. 4 (NF). S. 272).

⁵ *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 148—149.

⁶ Ibid., S. 129; *Idem.* Die Staatsvorstellung des «gemeinen Mannes»... S. 278.

⁷ *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 132, 138.

⁸ *Buszello H.* Die Staatsvorstellung des «gemeinen Mannes»... S. 282—283.

Однако деятельность союза, как полагает Х. Бусцелло, не имела целью осуществление общественного переворота и устранение феодальной эксплуатации, а была направлена лишь на урегулирование отношений с господами и установление автономии крестьянских и городских общин в пределах региона. К тому же Бусцелло, не придавая принципиального значения противоречиям в самих городах, ограничивает свою задачу рассмотрением вопроса о разрешении конфликта последних с дворянством, клиром и территориальными князьями⁹. Между тем решение данного вопроса даже в постановке Бусцелло вряд ли возможно без учета соотношения классовых сил в масштабе всех германских земель, а также в каждом городе и его сельской округе.

Руководствуясь постулатом о низком уровне общественного сознания широких народных масс, Х. Бусцелло утверждает, что «простые люди» не думали о преобразовании существующего строя, их стремления ограничивались непосредственными, повседневными жизненными интересами в пределах деревенской и городской общины. Бусцелло полагает, что создание нового государства было необходимостью, которая, однако, на практике могла быть реализована не в общенациональном масштабе, а в территориальных или региональных границах. Поэтому Крестьянская война ни в одном из своих районов не была борьбой за империю, за государственное и национальное единство и централизацию.

По его мнению, данное положение вполне справедливо и в отношении тех требований, в которых содержались идеи признания власти императора или установления «крестьянского правления», так как такие идеи выдвигали отдельных личностей, но они не встречали понимания и поддержки большинства участников движения. Дело в том, говорит Бусцелло, что «простые люди» ограничивались требованием предоставления самоуправления общинам и уравнивания последних в правах с территориальными князьями. Позитивная часть их программ (на немецком юго-западе это происходило под сильным влиянием швейцарского примера) не шла дальше создания политической федерации общин на территориальной основе. Крестьяне признавали за дворянами права землевладельцев, но не желали видеть в них сеньоров. Власть, по мнению крестьян, должна быть сосредоточена в руках территориального князя, которому подчинялось бы духовенство и дворянство. В правовом отношении крестьяне должны были уравниваться с другими сословиями. И далее Бусцелло делает вывод, что в «этой картине будущего, само собой разумеется, не оставалось места личному крепостничеству». Первым шагом к осуществлению таких планов крестьян, полагает Бусцелло, было развитие автономии деревенских общин¹⁰. Рассматривая Крестьянскую войну почти исключительно как политическую революцию, Бус-

⁹ Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg... S. 127.

¹⁰ Ibid. S. 12—14, 32, 80, 87—90, 141—145; *Idem*. Die Staatvorstellung des «gemeinen Mannes»... S. 274, 276, 285—286.

целло в то же время отказывает «простым людям» в способности довести ее до логического конца и создать национальное государство.

В отличие от Х. Бусцелло американский историк Д. У. Сейбин в опубликованной в ФРГ монографии¹¹ уделяет серьезное внимание вопросу о социально-экономических предпосылках «революции простого человека». На примере Южной Швабии, а точнее, сельской округи имперского города Равенсбурга он исследует процесс специализации хозяйства, развития в нем виноградарства, молочного животноводства, текстильных промыслов, в которых была занята значительная часть сельского населения. При этом Сейбин устанавливает, что в деревнях существовали острые противоречия между зажиточными крестьянами, широко использовавшими наемный труд, и деревенской беднотой, которая нанималась на работу к деревенской верхушке или занималась прядением и ткачеством. Благодаря развитию сельского льноткачества часть деревенского населения освобождалась от привязанности к наделу, а молодые люди приобретали экономическую самостоятельность и получали возможность рано вступать в брак; в то же время развитие текстильного производства вело к пауперизации деревенского населения, усиливало социальную дифференциацию и дробление наделов¹². Отметим, что эти наблюдения Сейбина сыграли существенную роль в становлении концепции «революции простого человека».

Д. У. Сейбин затрагивает также проблему связи социально-экономического развития городов с революционными событиями 1525 г. Решая эту задачу, он уделяет много внимания отношениям между городом и деревней накануне Крестьянской войны. Он устанавливает факт «капиталистической эксплуатации» деревни городом, особенно в экспортных отраслях текстильной промышленности, и придает данному обстоятельству важное значение в ряду причин возникновения и поражения восстания¹³.

Обращение к данному сюжету имеет целью представить многочисленный отряд сельских ремесленников-ткачей как пассивный или даже реакционный элемент в революционном процессе и показать враждебное отношение цехового бюргерства к крестьянскому движению. Так современные буржуазные ученые пытаются «опровергнуть» марксистское понимание закономерностей исторического развития, изменить трактовку социально-политических аспектов проблемы раннего капитализма. Сейбин как бы меняет местами антагонистическую противоположность интересов трудящихся масс города и деревни феодальному строю, с одной

¹¹ *Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525.* Stuttgart, 1972.

¹² *Ibid.* S. 46 f.; *Idem.* Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhunderts: Oberschwaben als Beispiel // *Revolte und Revolution in Europa.* S. 132, 134, 137, 139, 144, 146—147.

¹³ *Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft...* S. 39, 100—102; *Idem.* Probleme der deutschen Agrarverfassung... S. 141, 145—148.

стороны, и противоречия между отдельными отрядами «трудящихся субъектов» и последних с нарождающимся классом городской и деревенской буржуазии — с другой, придавая противоречиям второго порядка решающее значение для исхода Крестьянской войны.

Повторяя основные положения концепции «революции простого человека», Д. У. Сейбин вслед за Х. Бусцелло выступает против тех историков, которые связывают Крестьянскую войну с проблемой национального единства Германии. Как и Бусцелло, он отвергает эту точку зрения на том основании, что крестьяне не обладали уровнем сознания, который превратил бы их в борцов за объединение страны. Вместе с тем Сейбин вносит в концепцию «революции простого человека» существенное изменение, делающее еще более очевидной ее антимарксистскую направленность. Он считает, что вопреки мнению марксистов крестьяне не стремились к разрушению феодальных условий существования и источники якобы никак не свидетельствуют о том, что они были против чиншей¹⁴. Последнее утверждение Сейбина вступает, однако, в противоречие с фактами. В действительности источники как раз содержат многочисленные данные о выступлениях крестьян против чиншей и других феодальных поборов¹⁵.

Сформулированные выше положения имеют для Д. У. Сейбина принципиальное значение и при рассмотрении конкретных исторических событий и явлений. Крестьяне Озерного края, полагает ученый, стремились занять такое же положение в обществе, какое занимали имперские города, и требовали предоставления им права на самоуправление. Поэтому, объявляя целью борьбы «божественную справедливость и братскую любовь», они не желали признавать над собою никакой власти, кроме имперской. В то же время, по мнению Сейбина, крестьянское движение не было направлено на создание единой Германии. Это движение шло из деревни и было обращено к деревне. При этом он подчеркивает противоположность интересов различных группировок сельского населения, участвовавших в движении. Сейбин приводит факты, свидетельствующие о том, что неспокойно было также и в городах, что в штаб-квартиру Швабского союза поступали многочисленные известия о намерении горожан выступить заодно с крестьянами. При объяснении этих фактов, пишет он, необходимо иметь в виду, что значительная прослойка городских жителей по роду своих занятий состояла из крестьян и жила за счет доходов с наделов, расположенных в окрестностях городов, а многочисленные городские поденщики постоянно были заняты в качестве сельскохозяйственных рабочих¹⁶. Это сближало ин-

¹⁴ *Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft...* S. 119.

¹⁵ См. об этом: *Некрасов Ю. К.* Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // *СВ.* 1977. Вып. 41. С. 136 след.

¹⁶ *Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft...* S. 13, 17.

тересы крестьян и части городского населения, создавая условия для их совместных выступлений.

Но отношения между городом и деревней, считает Сейбин, проявились и совершенно иным образом. Городские власти стремились регулировать рыночные цены на сельскохозяйственные продукты, чтобы с помощью этой меры смягчить социальные противоречия в самих городах¹⁷. Вполне понятно, что такая политика осуществлялась за счет угнетения и эксплуатации подвластного городу сельского населения и имела своим следствием враждебное отношение к нему крестьян.

Особое же значение Сейбин придает социальной характеристике крестьянского движения и развитию, как мы уже видели, социально-экономических отношений в деревне. Он приводит красноречивые факты не только имущественной и социальной дифференциации населения деревни, но и острых противоречий между надельными крестьянами, с одной стороны, поденщиками и безземельными ее жителями — с другой. Поэтому он считает, что восстание 1525 г. было направлено «против господ и поденщиков». Он также утверждает, что в большинстве случаев руководящие элементы движения рекрутировались из зажиточной крестьянской верхушки и выражали интересы последней. В силу этого у поденщиков и деревенских батраков не было особого расчета участвовать в движении. В то же время это объясняет, почему городские низы не были связаны с крестьянами. Деревенская беднота имела основания для выражения собственных требований, которые не совпадали с целями крестьянского движения. Эта беднота по существу состояла из деревенских батраков и по своему положению была близка к городским поденщикам. Крестьянская же война в Германии, заключает Сейбин, велась в интересах только деревенской верхушки¹⁸. На значение этого положения для концепции «революции простого человека» уже было указано выше.

Создание концепции «революции простого человека» было завершено П. Бликле, который издал свою книгу под весьма выразительным названием — «Революция 1525 г.»¹⁹. Труд Бликле носит обобщающий характер. Автор стремится преодолеть односторонний подход к данной теме своего учителя Г. Франца²⁰ и изыскать аргументы для критики марксистских представлений о Реформации и Крестьянской войне в германских землях как о раннебуржуазной революции. По его мнению, программа швабских крестьян, нашедшая наиболее яркое и полное воплощение в 12 статьях, свидетельствовала о кризисе не только аграрного строя, но и всего общества. На основании анализа программы он делает вывод, что в большинстве случаев причиной конфликтов в деревне являлось личное крепостничество, отягощавшее кре-

¹⁷ *Sabeau D. W. Probleme der deutschen Agrarverfassung...* S. 145.

¹⁸ *Sabeau D. W. Landbesitz und Gesellschaft...* S. 101—102, 107—108.

¹⁹ *Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.*

²⁰ *Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 10. Aufl. Darmstadt, 1975.*

стьянские хозяйства посмертными поборами, барщиной и ограничениями для крестьян на заключение брачных союзов. Требование редукации оброков в денежную ренту было направлено на их снижение. Причиной недовольства являлись также судебные и сеньориальные права феодальных господ. Все эти тяготы, указывает Бликле, и создавали предпосылки для революции. Бликле обращает также внимание на противоречия между различными категориями деревенского населения и на конфликты, имевшие место в крестьянских семьях. Зажиточным и средним крестьянским слоям, утверждает он, противостояли наемные работники и малоземельные крестьяне, которые самим фактом своего существования ухудшали для деревенской верхушки условия пользования землями альменды. В семьях зажиточных крестьян и середняков возникала проблема, каким образом обеспечить сыновей необходимыми для жизни средствами, не прибегая к дроблению наделов. Противоречия обострялись и по той причине, что в одной деревне могли проживать чиншевики, лично свободные и крепостные крестьяне. Между тем, по словам Бликле, ничто не держалось в крестьянском сознании так крепко, как представление об изначальной свободе, которое было присуще всем слоям деревенского населения. Недовольство крестьян еще более усиливало обращение детей, рожденных от смешанных браков (свободных и крепостных), в крепостное состояние²¹.

Изложенные выше наблюдения П. Бликле свидетельствуют об остроте социально-экономических противоречий в немецкой деревне начала XVI в., имевших основой тяжелое материальное положение значительной части сельского населения. Приблизившись, казалось бы, к марксистскому объяснению причин Крестьянской войны, Бликле отрицает, однако, какую-либо связь между экономическим, политическим и «сеньориальным» факторами, хотя и вынужден признать, что возникновение территориальных государств вело к увеличению податного гнета и в конечном счете к ухудшению положения крестьянских масс²². Суждения Бликле о причинах революции отличаются известной двойственностью, поскольку он, признавая значение социально-экономических противоречий в деревне в качестве предпосылки восстания, существенно ограничивает вместе с тем их роль рамками одного из равнозначных факторов. Отметим также, что и Бликле, и Сейбин, говоря о сложности социальной структуры и социальных противоречий в самой деревне, как бы отодвигают на задний план антагонизм между феодальным сеньором и зависимыми от него крестьянами, в чем нельзя не видеть методологическую направленность и классовую подоплеку их трудов.

П. Бликле предлагает оригинальное на первый взгляд решение также и проблемы связи событий Реформации с Крестьянской войной. Божественное право и принципы евангелизма (при-

²¹ *Blickle P. Die Revolution 1525. S. 27, 38, 81—83.*

²² *Ibid. S. 76—77, 98.*

внесенные проповедниками из города в деревню) превратили, как он считает, Крестьянскую войну в «революцию простого человека». Власти были противниками крестьян, горожан и горняков, так как «притесняли евангелие» и не следовали принципам евангелизма и божественного права. Проведение в жизнь принципов евангелизма должно было поэтому нанести сокрушительный удар по позициям духовенства, в то время как планы восставших в отношении дворянства не отличались ясностью. Но, по его же словам, Крестьянская война потерпела неудачу как революция, поскольку цели простых людей и Реформации были различными. Реформаторы, уточняет Бликле, воспротивились попыткам использовать институты политической власти в качестве средства осуществления принципа божественного права²³. Краеугольному положению марксистской историографии, которое, как полагает Бликле, состоит в том, что антагонизм феодализм—капитализм, нашедший отражение и в идеологии (религии), привел к соединению Реформации и Крестьянской войны, он противопоставляет мысль, что антагонизм территориальной власти с городскими и деревенскими общинами находил выражение в принципе божественного права, который обязан был своим происхождением не Реформации, и поэтому последняя не могла быть причиной Крестьянской войны²⁴. Из этого видно, что Бликле, во-первых, неточно формулирует и сильно упрощает оценку марксистской историографией такого сложного исторического явления, как Реформация; во-вторых, в полном соответствии с плюралистской теорией равноправных факторов он полагает, что Реформация и Крестьянская война не были обусловлены причинно-следственными связями и развитие каждого из этих явлений подчинялось своим имманентным закономерностям.

Крестьянская война, по мнению П. Бликле, представляла собой попытку разрешения кризиса феодализма путем революционного преобразования общественных отношений на основе евангелизма. Движущей силой революции были не одни крестьяне (они доминировали только на первом ее этапе), а «простые люди», т. е. крестьяне, бюргеры княжеских городов, непатрицианское население имперских городов и горняки. И далее он разъясняет, что цель революции была выражена позитивно — в лозунгах «общей христианской пользы» и «братской любви», негативно — в требовании упорядочения прав и обязанностей. Отсюда вытекала и политическая задача революции — создание государства на корпоративной или территориальной основе²⁵. В другом месте Бликле подчеркивает, что в 1525 г. крестьяне, бюргеры и горняки вели совместную борьбу за осуществление принципов евангелизма, против сеньориального аппарата, за широкую местную автономию. Участники движения понимали

²³ *Blickle P. Thesen zum Thema «Der Bauernkrieg» als Revolution des «gemeinen Mannes» // Revolte und Revolution in Europa. S. 129—130, 131.*

²⁴ *Blickle P. Die Revolution 1525. S. 18.*

²⁵ *Blickle P. Thesen zum Thema... S. 127, 130.*

Крестьянскую войну не только как дело одних крестьян. Шварцвальдское «Статейное письмо» называло «бедного простого человека в городах и деревнях» движущей силой восстания, а Вендель Гиплер ставил перед собой задачу урегулирования отношений между «простыми людьми» — «подданными», с одной стороны, князьями, господами и «благородными» — с другой²⁶.

В рассуждениях П. Бликле о характере и задачах революции обращает внимание то обстоятельство, что, используя порой терминологию марксистской историографии, он на самом деле стоит далеко от нее. Вслед за Х. Бусцелло и Д. У. Сейбином он ограниченно трактует цели революции, которые, по его мнению, сводились к созданию и укреплению автономии городских и деревенских общин и урегулированию «на правовой основе» отношений между господствующим классом и зависимым от него населением. Бликле и его единомышленники далеки от признания того факта, что событиями 1525 г. впервые в истории в повестку дня был поставлен вопрос о ниспровержении «старого порядка», т. е. феодального строя.

Рассматривая события Крестьянской войны как политическую революцию, П. Бликле связывает ее кульминацию в Верхней Швабии с образованием и деятельностью Христианского объединения, которое, как он утверждает, ставило целью создание союза на корпоративной основе. Деревенские и городские округа должны были представлять низшие политические единицы, на которых зижделось бы государственное устройство таким образом, чтобы коммунальные организации были представлены и объединены в региональных политических подразделениях (Альгау, Озерный край, Бальтринген), образовывавших государственные единицы в пределах Верхней Швабии. В основу формирования органов управления предполагалось положить принцип выборности. Дворянство и духовенство могли принимать участие в политической жизни только при условии отказа от сословных привилегий. Что касается политического единства в масштабах империи, то этот вопрос оставался открытым.

В целом программные требования «простых людей», по П. Бликле, были революционными во многих отношениях: патриархальная структура власти мелких государств преодолевалась в них с помощью «корпоративно-союзной модели»; мелкие феодально-сеньориальные образования упразднялись в пользу более крупного политического союза, складывавшегося под швейцарским влиянием, в котором сохранялись и получали развитие традиции деревенских и городских общин и округов; государство благодаря принципу евангелизма и божественного права обретало норму, которая имела этическое обоснование в принципах «общей пользы» и «братской любви»²⁷.

Однако на самом деле вопреки концепции П. Бликле планы и

²⁶ *Blickle P. Die Revolution 1525. S. 176—178.*

²⁷ *Ibid. S. 180.*

программные требования швабских крестьян имели ярко выраженную антифеодальную направленность, они не ограничивались одной только политической сферой: осуществление этих планов на практике подрывало бы всю социально-политическую систему феодализма.

Значительную роль в событиях 1525 г. П. Бликле отводит городам. Кооперация между крестьянами и княжескими городами без особых усилий была, по его мнению, достигнута на всей территории империи, так как основанием для союза крестьян и бюргеров княжеских городов, кроме реформационно-евангелических положений, являлись их сеньориальная зависимость и общность экономических интересов. Общины имперских городов (правда, не всегда) также были на стороне крестьян, и изучение внутригородских отношений убеждает, что установлению связей между крестьянами и горожанами трудно было воспрепятствовать²⁸.

П. Бликле отмечает также, что Мемминген, являвшийся центром крестьянского движения в Верхней Швабии, дал «позитивный ответ» на требования крестьян своей округи, которые были идентичны с требованиями программы 12 статей. На примере того же Меммингена он вместе с тем подчеркивает, что там только радикальное меньшинство, состоявшее из малоимущих и неимущих горожан, последовательно выступало за проведение Реформации, за союз с крестьянами и развернуло агитацию против совета²⁹. Указывая на непоследовательную линию поведения отдельных городов и слоев городского населения по отношению к крестьянскому восстанию, Бликле в то же время далек от мысли видеть в этой линии поведения отражение незрелости нарождавшихся классов буржуазии и пролетариата. Более того, он вообще не видит в событиях 1525 г. проявлений классовой борьбы в феодальном обществе.

Как уже отмечалось выше, особое место П. Бликле отводит 12 статьям швабских крестьян; для него они являлись «одновременно книгой жалоб, программой требований и политическим манифестом». Революционное содержание этой программы он видит в требованиях крестьян, касавшихся вопросов о личном крепостничестве, о десятинах и избрании приходских священников, а также в распространении принципов евангелизма на сферу общественных отношений. Требование же 12 статей о приведении светского порядка в соответствие с буквой библии, может быть, по мнению Бликле, выведено как из реформационных учений Лютера и Цвингли, так и из догматов других религиозных течений XVI в.³⁰ Бликле уделяет значительное внимание анализу тех статей программы, в которых выражено стремление крестьян к укреплению автономии своих общин и, как мы видели, отра-

²⁸ Ibid. S. 172—174, 164.

²⁹ Ibid. S. 225—226, 162.

³⁰ Ibid. S. 26.

жена роль этих общин в проведении политических преобразований. Однако намечаемые программой преобразования и саму «революцию простого человека» Бликле менее всего склонен связывать с уничтожением феодального правопорядка и установленнем буржуазного строя.

Показательно отношение П. Бликле к радикальному направлению в общественном движении эпохи Крестьянской войны. Он ставит в вину Мюнцеру крах планов установления конституционных порядков на немецкой земле. По замыслу вождя народных низов, указывает Бликле, революция 1525 г. должна была стать «кровавым морем для немецких князей», этот замысел предусматривал достижение военной победы и приобретал «коммунистические, общественно-демократические или республиканские черты»³¹. Бликле подчеркивает тот факт, что у Мюнцера отсутствовала «позитивная программа», и, как и другие западные буржуазные историки, указывает на фантастический характер его проектов общественных преобразований. Таким образом, Бликле обнаруживает полное непонимание и неприятие самой сущности народной реформации.

С позиций, близких «группе П. Бликле», освещают проблему происхождения и характера Крестьянской войны такие западно-германские историки, как Р. Эндрес, П. Баумгарт и В. Мюллер. Краткое рассмотрение их точек зрения представляет определенный историографический интерес.

Рассуждая о причинах Крестьянской войны, В. Мюллер особенно подчеркивает значение института личного крепостничества. Распространение крепостнических отношений накануне Крестьянской войны происходило, по его мнению, по трем причинам: во-первых, данному процессу способствовало заключение браков между свободными и крепостными людьми, потомство от которых объявлялось находящимся в несвободном состоянии; во-вторых, обращение князьями по политическим соображениям свободных подданных в крепостных людей при образовании территориальных государств в районах, где возникла Крестьянская война; в-третьих, стремление сеньоров восполнить потери, возникшие в результате «позднесредневекового аграрного кризиса», за счет усиления нажима на крестьян. Последняя причина, полагает Мюллер, выдвигается марксистскими историками на первое место. И он тут же замечает, что споры с этими историками по вопросу о сущности института личного крепостничества не имеют под собой достаточных оснований³², выражая таким образом согласие с ними.

Стремление крестьян к личной свободе, продолжает В. Мюллер, встречало противодействие со стороны господ. Очагами этого противодействия являлись складывавшиеся государственные

³¹ Ibid. S. 213.

³² Müller W. Freiheit und Leibeigenschaft — soziale Ziele des deutschen Bauernkrieges? // Revolte und Revolution in Europa. S. 264—266, 271.

образования. Кульминацией противоборства этих двух тенденций развития и была, по его мнению, Крестьянская война ³³.

О взаимосвязи Реформации и Крестьянской войны В. Мюллер пишет, что социально-религиозная аргументация упразднения всякой несвободы исходила из низшего клира, прежде всего от священников анабаптистской веры, которые пользовались (например, Хубмайер) большим авторитетом среди восставших ³⁴. Можно заключить, что в решении некоторых вопросов принципиальной важности этот историк испытывает влияние марксистской историографии и признает ее научные достижения.

Вместе с тем взгляды В. Мюллера отличаются определенной противоречивостью: с одной стороны, он указывает на значение феодальной эксплуатации и реформационных мотивов для событий 1525 г.; с другой — по существу все же рассматривает Реформацию изолированно от Крестьянской войны, отвергает марксистскую трактовку общественного переворота и идею революционного перехода от феодальной к буржуазной социально-экономической формации.

Выразительным примером в этом отношении может служить также и точка зрения П. Баумгарта. Объявляя себя сторонником плюралистской теории равноправных факторов, Баумгарт видит один из них в религиозных мотивах действий «простых людей» и делает вывод об исключительном значении религиозного фактора в крестьянском движении 1524—1525 гг. Формально признавая, таким образом, органическую связь реформационного движения с революционными событиями Крестьянской войны, он в то же время ограничивает ее рамками влияния реформационных доктрин на участников революции ³⁵ и отвергает положение марксистской историографии о слиянии реформационного и крестьянского движения в едином революционном процессе. Это означает, что и Баумгарт в рассмотрении таких исторических явлений, как Реформация и Крестьянская война, в конечном счете не выходит за рамки концепции «революции простого человека».

Одним из видных представителей «новой волны» в историографии ФРГ является Р. Эндрес, на точку зрения которого следует остановиться несколько подробнее.

Основной объект исследования Р. Эндреса — позднесредневековый немецкий город. Изучая эволюцию социально-экономической структуры этого города, он ставит ее в прямую связь с явлениями раннего капитализма и акцентирует внимание читателя на том, что перемены экономического порядка в жизни городов имели своим следствием усиление дифференциации населения в

³³ Ibid. S. 271.

³⁴ Ibid. S. 269.

³⁵ Baumgart P. Formen des Volksfrömmigkeit — Krise der alten Kirche und reformatorische Bewegung: Zur Untersuchungsproblematik des «Bauernkrieges» // Revolte und Revolution in Europa. S. 186—187, 189, 204.

большинстве из них. Фактически в стороне от этого процесса оказались только мелкие полуаграрные центры. В городах средних масштабов с развитым ремеслом низы составляли около 50% населения. Однако наибольшей остроты социальные противоположности достигали в городах экспортной торговли и ремесла, где «неимущие ремесленники», как это имело место в Аугсбурге, составляли почти 66% населения³⁶.

Локальные различия в процессе дифференциации городского населения все же не исключают общего вывода, что во многих городах социальные противоречия сильно обострились уже в конце XV в. Причем Эндрес отмечает, что часть среднего бюргерства быстро опускалась до положения городской бедноты и возрастала численность «пролетарских низов». Одновременно происходило «возвышение» предпринимательских элементов из рядов цеховой верхушки, представители которой достигали полного политического равенства со «старыми патрициями», заседали в магистратах и оказывали влияние на их политику³⁷. Возникает, однако, вопрос: как Эндрес трактует события 1525 г. и видит ли он в них попытку разрешения кризиса путем перехода от феодальных к буржуазным общественным отношениям?

Рассматривая вопрос о позиции городов и различных группировок их населения во время Крестьянской войны, Р. Эндрес отмечает, что, хотя восстание возникло в деревне, важную роль в нем сыграли и города. Некоторые из них полностью перешли на сторону крестьян и поддержали их требования. Такая линия поведения была характерна особенно для мелких городских центров. С другой стороны, события Крестьянской войны послужили толчком к обострению противоречий в самих городах. Однако социальная борьба в городах сама по себе, продолжает Эндрес, повсюду оставалась чисто бюргерским движением, которое не ставило перед собой задачи установления связи с сельской округой. Восстание обычно начинала беднота городских предместий, и затем оно быстро распространялось на «внутренний город»; в его требованиях были перемешаны социально-экономические и старые политические требования. Если бюргерская оппозиция поддерживала антиклерикальные требования движения, то цеховые мастера и состоятельные бюргеры решительно отвергали радикальные и отчасти уже коммунистические устремления городской бедноты. Поэтому городская беднота вступала в союз с крестьянами, что побуждало бюргерскую верхушку для защиты собственных интересов прибегать к услугам ландскнехтов. Только Мюнцеру и Пфейферу в Мюльхаузене удалось возглавить союз

³⁶ *Endres R. Zur Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnbergs im 15.—16. Jahrhundert // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. 1970. Bd. 57. S. 242 f. Idem. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa S. 154—156.*

³⁷ *Endres R. Zünfte und Unterschichten... S. 157—158.*

городских низов, цехов и состоятельных бюргеров и придать ему действительно народный характер³⁸.

Заметим, что признание Р. Эндресом положительных результатов, достигнутых марксистской историографией, отнюдь не означает, что он разделяет марксистскую оценку событий 1525 г. Вслед за другими сторонниками концепции «революции простого человека» он не только не применяет по отношению к развернувшимся событиям дефиницию «классовая борьба», но и отказывается видеть в них проявление таковой. Это и дает основание отрицательно ответить на поставленный вопрос.

* * *

Итак, историографический анализ убеждает в том, что в конце 60-х — первой половине 70-х годов традиционная в буржуазной исторической науке трактовка событий Великой крестьянской войны XVI в. сменилась новой, своеобразным выражением которой стала концепция «революции простого человека». Создание новой концепции совпало по времени с утверждением политики разрядки международной напряженности и ростом популярности принципов мирного сосуществования и вместе с тем с изменением тактики буржуазных идеологов, которые от замалчивания и непризнания достижений марксистской историографии перешли к научной полемике с ней.

В связи с этим возникает закономерный вопрос, какова политическая подоплека изменения тактики представителей буржуазной историографии и что собой представляет методологическая основа новой концепции Крестьянской войны?

Крестьянская война, одно из величайших событий революционного прошлого немецкого народа, давно уже перестала быть объектом только академического интереса. И сегодня имеют место попытки использования ее в качестве инструмента и аргумента в «большой политике». Так, весьма симптоматично, что в публичных выступлениях 13 февраля 1970 г. в Бремене и 25 июня 1974 г. в Радштатте тогдашний бундеспрезидент ФРГ Г. Хайнеман настойчиво призывал слушателей, прежде всего профессиональных историков и школьных учителей, объяснять прошлое в соответствии с задачами идеологической борьбы на современном этапе и использовать исторические традиции немецкого народа с целью защиты западной демократии. Причем в выполнении этой задачи значительную роль Хайнеман отводил трактовке с соответствующих не только методологических, но и политических позиций событий Реформации и особенно Крестьянской войны³⁹. Появление новой концепции «революции простого человека» означа-

³⁸ Ibid. S. 167—170.

³⁹ Heinemann G. Ansprache bei der Schaffermahlzeit am 13. Februar 1970 im Bremen // BRIP. 1970. N 21. S. 203 f.; Idem. Ansprache zur Eröffnung des Erinnerungsstädte für die Freiheitsbewegung in der deutschen Geschichte am 26. Juni 1974 im Radstatt // BRIR. 1974. N 78. S. 777 f.

ло, несомненно, в определенной мере выполнение буржуазными учеными «социального заказа». Именно на долю творцов этой концепции выпала задача представить прошлое в «респектабельном виде» с целью воспитания подрастающего поколения в духе преданности буржуазному строю.

Изменение тактики буржуазных идеологов по отношению к марксистской историографии имело своим следствием, в частности, издание сборников научных работ, посвященных Реформации и Крестьянской войне (под редакцией Р. Вольфайля)⁴⁰, в которых приняли участие как историки-марксисты, так и буржуазные авторы, а также приглашение историков-марксистов на международный симпозиум в Меммингене, состоявшийся в марте 1975 г. по случаю 450-летия юбилея Крестьянской войны. Материалы этого симпозиума были опубликованы под редакцией П. Бликле в специальном выпуске издающегося в Мюнхене «Исторического журнала»⁴¹. Вполне понятно, что эти перемены не только затронули тему Реформации и Крестьянской войны, но они имели под собой более широкие политические и идеологические, а также и методологические основания.

Один из видных западногерманских историков и вдохновителей «нового курса», Р. Вольфайль, прямо заявляет, что перемена в тактике буржуазных идеологов и историков объясняется необходимостью полемики против марксистско-ленинской историографии и опровержения марксистского учения о классах и классовой борьбе. В качестве методологического оружия, направленного против марксистского понимания истории, Вольфайль избирает плюралистскую теорию позитивистской школы в историографии и выдвигает «интегральный аспект всеобщей истории» как альтернативу социально-экономической ее интерпретации представителями исторического материализма. По его убеждению, теория равноправных факторов обладает преимуществом перед теорией единственного или ведущего фактора, который якобы только и принимают во внимание марксисты при решении проблем исторической науки. Исторические процессы, полагает Вольфайль, могут быть объяснены только с помощью демографического, религиозного, экономического и других факторов. И далее он утверждает, что в отличие от марксистско-ленинской исторической науки, которая якобы оперирует категориями, почерпнутыми из анализа современного капитализма, и рассматривает эпоху Реформации как раннебуржуазную революцию, школа «социальной истории» обращается к изучению событий, процессов и структур в их действительно исторической реальности⁴². В этой связи одну из основных задач западной историографии

⁴⁰ Reformation oder frühbürgerliche Revolution? / Hrsg. von R. Wohlfeil. München, 1972; Bauernkrieg und Reformation / Hrsg. von R. Wohlfeil. München, 1975.

⁴¹ См. примеч. 4.

⁴² Wohlfeil R. Einleitung: Der Bauernkrieg als geschichtswissenschaftliche Problem // Bauernkrieg und Reformation. S. 8, 13, 21—22, 26, 34—35.

Вольфайль видит в борьбе с марксистской трактовкой событий 1525 г. как раннебуржуазной революции⁴³.

О верности позитивистским принципам плюрализма и теории факторов заявляет и Ф. Копич, который в труде Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» видит в большей мере гениальное историко-политическое эссе, чем научное исследование, имеющее значение и сегодня⁴⁴.

В том же духе высказывается и Т. Ниппердай. Имея в виду революционные события XVI в. в германских землях, он утверждает, что народные движения каждый раз возникали под влиянием своеобразных конкретных и локальных условий, поэтому при объяснении причин, характера и целей народных движений следует, по его мнению, принимать во внимание не закономерности исторического процесса, а руководствоваться «плюралистской теорией факторов»⁴⁵. Таким образом, методологической базой новаций в буржуазной историографии Крестьянской войны являются неопозитивизм и принципы модной на Западе школы «социальной истории».

Идеалистический и реакционный смысл воззрений представителей школы «социальной истории», с которыми тесным образом связаны и авторы концепции «революции простого человека», достаточно ясно выражен в трудах таких ее теоретиков, как О. Бруннер и В. Цорн. Бруннер полагает, что с помощью категорий «сословия» и «классы» невозможно якобы объяснить переход от феодального общества к буржуазному. Понимая под феодализмом ленную систему, вершиной которой являлась княжеская и государственная власть, Бруннер связывает этот переход с трансформацией данной системы, в которую постепенно «внедрялись» выходцы из бюргерской верхушки⁴⁶. Формально признавая значение экономического фактора в истории, Цорн одновременно утверждает, что в основе человеческой природы и гражданской истории лежат идейные мотивы. Апеллируя к наследию А. Тойнби, В. Дильтея и М. Вебера, он стремится создать такую «историографическую модель», которую можно было бы противопоставить марксизму и «науке о революции» как «духовное оружие социальной гармонии»⁴⁷.

Методологические «установки» О. Бруннера и В. Цорна вполне отражают отношение современных буржуазных историографов к марксистскому пониманию классовой борьбы и объясняют, по-

⁴³ Wohlfeil R. Position der Forschung: «Bauernkrieg» und «frühbürgerliche Revolution» // Revolte und Revolution in Europa. S. 113—114.

⁴⁴ Kopitzsch F. Bemerkungen zur Sozialgeschichte der Reformation und Bauernkrieg // Bauernkrieg und Reformation. S. 178—180.

⁴⁵ Nipperdey Th. Die Reformation als Probleme der marxistischen Geschichtswissenschaft // Reformation oder frühbürgerlichen Revolution? S. 224, 237.

⁴⁶ Brunner O. Neue Wege der Verfassungsgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1968. S. 223—224.

⁴⁷ Zorn W. Einführung in die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters und Neuzeit: Probleme und Methoden. München, 1972. S. 9—10, 12—13, 49 f.

чему все буржуазные авторы независимо от их принадлежности к тому или иному направлению стремятся представить дело таким образом, будто история не сообщает никаких фактов о классовой борьбе и последняя существует только в сознании историков-марксистов. Причем особенно активно сегодня проявляют себя в этом отношении представители школы «социальной истории», вновь взявшие на вооружение для объяснения сущности исторического процесса теорию равноправных или многих факторов.

Концепция «революции простых людей» имеет отчетливо выраженную антимарксистскую направленность. Видный ученый ГДР М. Штейнмец, обращаясь к характеристике современной буржуазной историографии Реформации и Крестьянской войны, к ее плюралистской методологии в том числе⁴⁸, подчеркивает, что представители традиционного направления в этой историографии и сегодня оспаривают понимание Реформации и Крестьянской войны как единого целого, отделяют друг от друга оба эти явления и видят в Реформации только борьбу за обновление христианского благочестия. Штейнмец при этом указывает, что попытки теологизации Реформации означают не что иное, как стремление «опровергнуть» принцип закономерности исторических процессов, интерпретировать историю как осуществление божественного промысла. Штейнмец отмечает также, что в условиях общего кризиса капитализма и наступления социализма по всему фронту буржуазные идеологи заговорили о необходимости и допустимости сотрудничества с марксистами в определенных пределах. На практике это привело к тому, что некоторые буржуазные историки перестали рассматривать Реформацию и Крестьянскую войну обособленно друг от друга⁴⁹. Признавая, что при решении некоторых конкретных вопросов точки зрения историков-марксистов и сторонников концепции «революции простого человека» близки или даже совпадают, Штейнмец вместе с тем подчеркивает существование принципиальных различий между ними⁵⁰. В отличие от марксистов, которые трактуют Реформацию и Крестьянскую войну как социальную революцию, представители нового направления в буржуазной историографии видят в последней только относительно изолированное крестьянское восстание, только средневековую по идейной направленности и требованиям политическую революцию «деревенской знати». Историки этого направления извращают или отрицают роль революционного течения в крестьянском движении и, напротив, преувеличивают значение умеренного течения, представляя в ко-

⁴⁸ О реакционной сущности плюралистской теории в современной историографии см. также: *Fricke D.* Zum Platz bürgerlichen Pluralismus-Konzeption in Antikommunismus und Antisowjetismus // *ZfG*. 1975. H. 7. S. 741 f.

⁴⁹ *Steinmetz M.* Reformation und Bauernkrieg // *Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung: Handbuch / Hrsg. von W. Berthold et al.* Köln, 1970. S. 132 f.

⁵⁰ *Steinmetz M.* Position der Forschung: Kritische Bemerkungen zur Bauernkriegsforschung in Bundesrepublik Deutschland // *Revolte und Revolution in Europa*. S. 120—124, 126.

нечном счете деревенскую верхушку и зажиточных крестьян единственной активной силой движения. Они же приносят в жертву индивидуальным чертам движения в отдельных районах Крестьянской войны общие ее закономерности. Между тем, пишет Штейнмец, пленно изучение конкретных событий убедительно опровергает тезис об «умеренном» характере движения народных масс во время Крестьянской войны, доказывает несостоятельность попыток отвергать существование классов и классовой борьбы, отрицать категорию общественных формаций и не принимать во внимание диалектическое единство объективного и субъективного факторов в историческом процессе.

Неоспорима правомерность и научная обоснованность критики М. Штейнмцем концепции «революции простого человека» в новейшей западной историографии. Сторонники этой концепции в понимании сущности Реформации и Крестьянской войны в конечном счете не выходят за рамки методологических принципов буржуазной исторической науки. Более того, как уже отмечалось, представление о Крестьянской войне как о «революции простого человека» явилось своего рода реакцией на марксистскую теорию раннебуржуазной революции. Но в своих поисках западные историки все же испытали на себе влияние марксистской историографии и ввели в научный оборот категорию «революция», заменив при этом, правда, дефиницию «буржуазная» дефиницией «простой человек» и ограничив сферу применения данной категории областью политических отношений. В этой подмене наиболее ярко проявилась и антимарксистская направленность «новаций» в современной западной буржуазной историографии Крестьянской войны.

Завершая рассмотрение темы, хотелось бы обратить внимание читателя на положение, имеющее большую научно-методологическую значимость и являющееся своего рода водоразделом, который позволяет четко установить непонимание или неприятие буржуазными историками марксистской теории общественного переворота в переходную от феодализма к капитализму эпоху.

Антимарксистская направленность концепции «революции простого человека» особенно ярко проявляется в трактовке ее авторами содержания и характера классовой борьбы. Они утверждают, что крестьянское движение было направлено не только против господ, но и против деревенской бедноты, а цеховое бурgeoisство в городах обычно было настроено враждебно по отношению к крестьянам. Между тем марксистской историографией установлено, что руководители крестьянских отрядов придавали большое значение привлечению на свою сторону широких слоев городского населения и находили понимание и поддержку со стороны последних; необходимость боевого союза трудящихся масс города и деревни сознавалась участниками революционных событий, и этот союз порой становился фактом реальной действительности. В ходе борьбы городские и деревенские низы не только выдвигали «буржуазные» по своему характеру требова-

ния «равенства перед законом». В лозунгах и программных требованиях этих низов уже вполне обозначились контуры неизбежного развития антагонизма между только еще вступавшими на историческую арену классами: ранней буржуазией и предпролетариатом. Поэтому для правильного понимания сущности классовой борьбы на заре капитализма важное в методологическом отношении значение имеет положение Марксовой теории о том, что «каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его». Отсюда становится понятным, что «буржуазия не дерзает еще сформулировать, со своей точки зрения, мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также и прогресс политической теории объявляют уже самую эту точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной»⁵¹. Это дает основания для вывода, что нарождающийся класс ранней немецкой буржуазии не успел или, точнее, не сумел еще сформулировать свои задачи борьбы с феодализмом и тем более довести эту борьбу до победы, когда на авансцену истории уже выступил предпролетариат, пытаюсь изложить собственную точку зрения по вопросу о целях и задачах революционного преобразования общества. Такое понимание диалектики исторического развития чуждо всем буржуазным историкам, в том числе сторонникам концепции «революции простого человека».

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 426—427. См. также: Т. 4. С. 144, 356, 363—364, 423—424; Т. 19. С. 191; Т. 20. С. 17—19, 108—109.